

Издание Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 5.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

А. Н. Эшенбахъ.

Подъ редакціей преподавателя Института ординарнаго профессора
Д. В. Цвѣтаева.

М о с к в а.

1 9 1 3.

Издание Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 5.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

А. Н. Эшенбахъ.

Подъ редакціей преподавателя Института ординарнаго профессора
Д. В. Цвѣтаева.

М о с к в а.

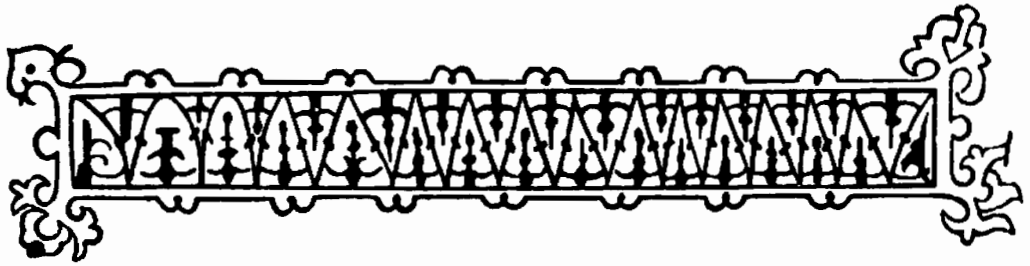
1 9 1 3.

9435

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго
Археологическаго Института имени Императора Николая II.
6 января 1913 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій*.

Подвигъ Ивана Сусанина.

„Въ испытаньяхъ долгой кары,
претерпѣвъ судебъ удары, окрѣ-
пла Русь“.

Кровью исходила русская земля въ эпоху такъ называемаго „междоцарствія“. Безъ Царя, какъ беззащитная вдовица, она была раздираема со всѣхъ сторонъ лихими польскими и казачьими наѣздниками—шайками Сапѣги, Лисовскаго и атамана Заруцкаго, предававшими огню и мечу города и селенія, грабившими, и убивавшими мирныхъ жителей. Рознь и несогласія свили себѣ прочное гнѣздо на Руси, каждый заботился, какъ въ Удѣльно-вѣчевую эпоху, лишь о себѣ, бояре и дворяне измалодушествовались, перебѣгая изъ-за посуль и наградъ то къ Тушинскому вору (Лжедмитрію II), то къ властолюбивому и хитрому фанатику—польскому королю Сигизмунду, ратуя за его сына, королевича Владислава, то вновь возвращаясь на службу къ Василию Шуйскому.

Недаромъ мать юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова Марѳа Ивановна заклеимила это малодушіе и измѣну бояръ въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ депутаціи земскаго выборнаго собора, предложившаго корону и власть въ Московскомъ государствѣ Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

Тяжело въ то время жилось русскому крестьянину: каждую минуту онъ могъ ожидать къ себѣ непрошенныхъ гостей, подобно коршунамъ налетавшихъ на селенія, осквернявшихъ святыни—церкви и храмы православные, обдиравшихъ дорогіе золотые и серебряные оклады съ иконъ, безумно и дерзко рубившихъ иконостасы, грабившихъ жалкое имущество крестьянина — святой хлѣбушекъ, деньги, скотинку, насилувавшихъ женъ и дѣтей, всячески позорившихъ и убивавшихъ населеніе. Не оставляли въ покоѣ и безъ вниманія жадные до наживы и жестокіе поляки и казаки и богатые боярскія вотчины и монастыри: расхищали боярское и монастырское добро, жгли усадьбы да предавали лютымъ пыткамъ и казнямъ мужественныхъ бояръ и монаховъ. Всѣ почти столбовыя и проселочныя дороги около Москвы „заколodили“ разбойники изъ буйныхъ шляхтичей да голи казацкой и русскихъ удалыхъ повольныхъ молодцовъ, что такъ охочи

всегда поживиться на счетъ бѣднаго и голоднаго брата. Стономъ стонала святорусская земля; правда, казалось, скрылась въ глубокія небеса; перевелись русскіе витязи и богатыри, „палицею булатною въ 300 пудъ“ оберегавшіе русскую землю, наводившіе ужасъ на злыхъ печенѣговъ, половцевъ и татаръ, заливавшіе кровью берега Византійскаго царства, славно побѣждавшіе и чудь бѣлоглазую и варяговъ-латниковъ; казалось, всѣ они уснули навсегда въ глубокихъ могилахъ, и не раздастся болѣе ихъ мощный богатырскій кличъ, призывающій поселянъ перековать свои плуги и серпы въ мечи, палицы и боевыя сѣкиры. Но на самомъ дѣлѣ не исчезли, не замерли навсегда могучія народныя силы, не перевелись русскіе богатыри-„храборы“ на русской землѣ, что той ли великій крестьянинъ-богатырь Илья Муромецъ, да славный бояринъ Добрыня Никитичъ, да могучій, хитрый, умный сынъ священника ростовскаго Алеша Поповичъ; не дали они въ лицѣ лучшихъ сыновъ Россіи погибнуть дорогой нашей родинѣ: Скопинъ-Шуйскій, Голицынъ, Романовы, патріархъ Гермогенъ, митрополитъ Филаретъ, Прокопій и Захаръ Ляпуновы, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ и весь великій и сильный русскій народъ отъ мала до

велика — вотъ великія и славныя имена этихъ богатырей духа. Блестящія побѣды народнаго героя — 23-лѣтняго Скопина-Шуйскаго надъ поляками, къ великому огорченію, погибшаго въ раннихъ годахъ, не успѣвши расцвѣсть, отъ яда, якобы поднесеннаго на крестинахъ у кн. Воротынскаго рукою завистниковъ Шуйскихъ—Василія и его родственниковъ, завидовавшихъ Скопину и боявшихся его славы; геройская 16-ти-мѣсячная защита отъ поляковъ почти съ голыми руками беззащитныхъ иноковъ Троице-Сергіевской Лавры во главѣ съ Іосафомъ, Діонисіемъ, Аврааміемъ Палицынымъ; мужественная энергія и дѣятельность великаго страдальца и печальника русской земли, громившаго въ своихъ огненныхъ грамотахъ и Тушинскаго вора и особенно коварнаго польскаго короля Сигизмунда III, уже въ воображеніи предвкушавшаго сладость присоединенія къ Польшѣ великаго Московскаго государства и мысленно примѣрявшаго тяжелую Московскую корону на свою польскую голову...

Но погибъ внезапною смертью Тушинскій воръ и обманщикъ Лжедимитрій II, убитый на охотѣ крещенымъ татаринѣмъ Урусомъ, загудѣли трубы и призывный кличъ рязанскаго ополченія служилыхъ людей подъ начальствомъ рязанскаго вое-

воды Прокопія Ляпунова, откликнувшася на страстный призывъ патріарха Гермогена—защитить Москву и освободить ее отъ поляковъ. За шумѣли знамена одновременно и въ Нижнемъ-Новгородѣ и Ярославлѣ. Стройными рядами, напутствуемое благословеніемъ въ грамотахъ „великаго старца“, замученнаго поляками, двинулось I-ое земское ополченіе къ Москвѣ, терзаемой въ то время буйными поляками подѣ начальствомъ хитраго и жестокаго Гонсѣвскаго. Всполошились, заволновались поляки, предчувствуя свою скорую неизбѣжную гибель отъ идущихъ на выручку къ Москвѣ русскихъ ратниковъ. Но несогласіе между вождями ополченія и предводителями казаковъ, желавшими каждый непременно первенствовать и властвовать, а не подчиняться старшему, интриги и казни поляковъ, путемъ подложной грамоты, составленной и подписанной якобы Прокопіемъ Ляпуновымъ, въ коей приказывалось вѣшать и убивать казаковъ-грабителей и разорителей русской земли, погубили I-ое земское ополченіе: Прокопій Ляпуновъ былъ изсѣченъ саблями повѣрившими грамотѣ и разсвирѣпѣвшими казаками. Послѣ его смерти ополченіе распалось и разѣхалось по домамъ. Поляки торжествовали и злорадствовали, подвергая неописуемымъ оскор-

бленіямъ и издѣвательствамъ православную вѣру и населеніе. Послѣдняя искра надежды, казалось, навсегда угасла въ русскихъ сердцахъ, и обезсиленная и истерзанная Русь въ судорожной агоніи доживала свои послѣдніе дни. Но не погибла и на этотъ разъ Русь: великій Богъ русской земли послалъ ей защитниковъ въ лицѣ маститаго боярина кн. Пожарскаго да простого великаго мясоторговца Козьмы Минина Сухорукаго. Какъ изъ-подъ земли выросло вмѣсто I-го II-ое земское ополченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ по призыву того же „адаманта“—страстотерпца русской земли—патріарха Гермогена. Прочелъ грамоту патріарха Козьма Мининъ, до слезъ стало жалко ему Москвы и такъ обидно и больно за русскую землю, произнесъ онъ свою знаменитую рѣчь, достойную Демосеена — „зложимъ имущество, женъ и дѣтей“... для спасенія Москвы, и, подобно набату, разнесся его кличъ. Гулко раздался онъ по всей Нижегородской землѣ и собралъ подъ Нижегородскія знамена II земское ополченіе. Предводимое Пожарскимъ, ополченіе подошло къ Москвѣ; по дорогѣ къ нему приставали все новыя и новыя дружины ратниковъ. Образовалась внушительная сила (100,000 ч.). Между тѣмъ на выручку къ полякамъ, сидѣв-

шимъ въ Москвѣ, спѣшилъ польскій отрядъ подъ начальствомъ гетмана Хоткевича. Надо было предупредить соединеніе. Дружно бросились вмѣстѣ съ казаками русскіе ополченцы на поляковъ, и разбитый на-голову гетманъ Хоткевичъ еле-еле спасся бѣгствомъ съ жалкими остатками войска. Скоро сдалась и Москва: поляки, доведенные до отчаянія ужаснымъ голодомъ (приходилось ѣсть кошекъ, крысъ, мышей, поѣдать другъ друга), положили, наконецъ, оружіе. Послѣ сдачи Москвы выбранные изъ 50 городовъ намѣтили и затѣмъ единодушно выбрали Михаила Ѳеодоровича Романова, 16-тилѣтняго юношу. 21-го февраля 1613 года Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и его мать Марѳа Ивановна, долго отказывавшаяся отпустить сына на царство, дали, наконецъ, свое согласіе. Всѣ облегченно вздохнули, наступилъ, наконецъ, давно желанный конецъ „великой россійской разрухи“,—во-главѣ Россіи находился Царь, ея начальникъ, защитникъ и благодѣтель.

Недовольны были выборомъ Михаила Ѳеодоровича лишь поляки и рѣшили во что бы то ни стало погубить юнаго Михаила и возвести на престолъ Сигизмунда III. Буйныя ватаги ихъ разсѣялись по всей землѣ, чиня насилія, грабежи и пожары. Одной изъ такихъ шаекъ было по-

ручено, очевидно, королемъ, выполнить злодѣйское дѣло—убить Царя Михаила, жившаго въ то время съ матерью своей инокиней Мареой въ своей костромской вотчинѣ въ селѣ Домнинѣ. Провѣдавъ мѣстонахождение Михаила Ѳеодоровича, поляки направились въ Кострому, чтобы схватить и убить Михаила, беззащитнаго, не охраняемаго никѣмъ въ своей усадьбѣ. Лютая зима въ это время стояла на дворѣ, поля и лѣса были занесены снѣгомъ, затерялись прямоѣзжія дороги, страшный холодъ леденилъ дыханіе. Подосланная шайка поляковъ между тѣмъ пробралась въ Кострому; поляки, подкрѣпивъ свои силы, быстро направились къ селу Домнину. Долго шли поляки и, наконецъ, достигли выселокъ села Домнина - Деревнищъ, предвкусывая заранѣе близость исполненія своего злодѣйскаго замысла. Крестьянинъ села Домнина, выселокъ Деревнищъ—Иванъ Сусанинъ, узнавъ о прибытіи въ Кострому „польскихъ наѣздниковъ“ съ цѣлью убить Михаила Ѳеодоровича, послалъ своего зятя увѣдомить Михаила объ угрожавшей ему опасности въ вотчину, совѣтуя, какъ можно скорѣе, спастись бѣгствомъ въ Ипатьевскій монастырь подъ защиту его крѣпкихъ стѣнъ. Явились поляки въ выселки Деревнищи, встрѣ-

тиль ихъ Сусанинъ; съ шумомъ и бранью, въ шапкахъ, какъ нехристи, ворвались они въ указанную Сусанинымъ избу, стали требовать приюта и пищи, насмѣхаясь надъ „москалями“, ихъ собачьей вѣрой и вновь избраннымъ Царемъ. Защемило сердце Сусанина,—такъ и хочется разможжить дубиной поганую шляхетскую голову, но сдержался онъ, гостеприимно предложилъ шей и хлѣбушка непрошеннымъ гостямъ, заявивъ, что окромѣ хлѣба и шей у него въ домѣ ничего нѣтъ. Поморщились шляхтичи, изругали въ досадѣ Сусанина, но голодъ—не тетка, достали „фляги“ съ водкой, напились допьяна, поѣли непривычныхъ русскихъ шей да хлѣба и завалились спать, какъ бусурманы, не перекрестивъ лба. Храпятъ беззаботно пьяные ляхи, а на дворѣ между тѣмъ гудитъ и злится вьюга, засыпаетъ снѣгомъ избы. Иванъ Сусанинъ сталъ на колѣни передъ иконой и молить „царю молодому святой обороны“. Прошла ночь, — „луна, между тѣмъ совершила полкруга; свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга, на небѣ восточномъ зардѣла заря; проснулись сарматы, злодѣи царя“. Увидѣвъ стоящаго на колѣняхъ и горячо молящагося старца, они грубо прервали его молитву и приказали немедленно проводить ихъ въ вотчину Михаила Феодоровича.

Сусанинъ согласился. Онъ повелъ ихъ окольной тропой въ противоположную сторону. Вотъ входятъ они въ дремучій лѣсъ; настало утро, взошло солнце, ярко отражаясь на серебряныхъ сосулькахъ деревьевъ. Въ лѣсу мертвая тишина, нарушаемая изрѣдка лишь скрипомъ подъ ногами промерзлаго снѣга, крикомъ испуганнаго ворона, монотоннымъ постукиваніемъ дятла. Вотъ Сусанинъ завелъ „сарматовъ“ въ непролазную чащу, — „не видно ни зги“, да и тропинка внезапно исчезла подъ ногами. Поляки чувствуютъ, что обмануль ихъ „пржеклентый“ москаль, и въ страшномъ гнѣвѣ, подобно стаѣ рыкающихъ голодныхъ волковъ, набрасываются на бѣднаго старца. Сусанинъ мужественно отвѣчаетъ, что онъ умышленно завелъ ихъ въ непроходимыя дебри и тѣмъ спасъ для Россіи Царя. „Смерть ожидаетъ меня отъ васъ за это, но я не боюсь:

Убейте, замучьте, моя здѣсь могила,
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя мнили во мнѣ вы найти:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли,
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любить
И душу измѣной свою не погубить.
— Злодѣй!—закричали враги, закипѣвъ,—
— Умрешь подъ мечами! — Не страшенъ вашъ гнѣвъ:

Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь,
Не дрогнувъ, умру за Царя и за Русь!

Посинѣли отъ гнѣва поляки, налились кровью ихъ глаза, готовые отъ злобы выскочить изъ орбитъ, выхватили они сабли и изрубили въ куски доблестнаго гражданина-старца. Пролилась кровь праведника, омочила его серебристую бороду и волосы, обагривъ бѣлый снѣгъ: „Твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ“...

„Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила“.

Въ дремучемъ непроходимомъ лѣсу нашель могилу великій гражданинъ и старецъ, достойный быть погребеннымъ вмѣстѣ съ Царями въ Царской усыпальницѣ. Поляки въ безсильной и изступленной злобѣ, напрасно пытаясь по колѣна въ сугробахъ снѣга выбратся на дорогу, всѣ до единого погибли въ страшныхъ корчахъ голодной смерти и холода. Спасенный Иваномъ Сусанинымъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ не оставилъ безъ милости и награды потомковъ Ивана Сусанина. Въ одной изъ грамотъ онъ пожаловалъ единственной дочери

Ивана Сусанина — Антонидъ, вышедшей замужъ за крестьянина Богдана Сабинина, и ея дѣтямъ Данилѣ и Константину „за терпѣніе и за кровь Ивана Сусанина“ въ родовую вотчину пустошь „Коробово, въ Костромскомъ уѣздѣ, съ одѣленіемъ ихъ съ потомствомъ отъ всякихъ податей и повинностей“. По повелѣнію Императора Николая Павловича поставлена въ 1838 г. въ Костромѣ на площади гранитная съ бронзовымъ бюстомъ Царя Михаила Ѳеодоровича на верху колонна. Внизу колонны на колѣняхъ стоитъ молящійся Ив. Сусанинъ. На памятникѣ надпись: „Ивану Сусанину, за Царя, спасителя вѣры и царства, животъ положившему, благодарное потомство“. До сихъ поръ живетъ имя Ивана Сусанина рядомъ съ именами славныхъ богатырей русской земли.

Невольно приходитъ оно на память сегодня въ торжественный день великаго праздника 300-лѣтія избранія на великій Московскій престолъ Дома Романовыхъ въ лицѣ 16-лѣтняго Государя Михаила Ѳеодоровича Романова,—этого великаго дня спасенія и замиренія гибнувшей нашей родины, на которую, подобно коршунамъ, налетѣли шайки поляковъ, надменно хозяйничая, грабя и разоряя Московское государство. Но не погибла

Русь, до сихъ поръ она стоитъ мощно и гордо, раскинувъ свои огромныя владѣнія отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до береговъ Азовскаго и Чернаго морей и отъ Балта или Варяжскаго моря до береговъ широкаго Каспія и, переваливъ Югорскій хребетъ, мало-по-малу подвигается и укрѣпляетъ свои владѣнія на берегахъ Тихаго океана.

Да здравствуетъ же сильная духомъ и тѣломъ единая великая и свободная Русь! Да здравствуетъ на многія лѣта нашъ великій и горячо любимый Монархъ, сильный чудо-богатырь русскій народъ, наша великая вселенская православная вѣра! Да сгинуть злоба, ненависть, лицепріятіе и измѣна, и восторжествуетъ любовь и миръ въ великомъ русскомъ государствѣ! Въ любви евангельской и мирѣ—залогъ обновленія и возрожденія къ новой жизни. Да появятся у насъ вновь Минины и Пожарскіе, Дмитріи Донскіе и Сусанины, Барклаи, Суворовы и Кутузовы, святые Гермогены и Петры Великіе, да наберемся мы духа и законовъ великой „Русской Правды“, да объединимся мы, подобно нашимъ братьямъ славянамъ-сербамъ, черногорцамъ и болгарамъ, такъ единодушно и доблестно свергнувшимъ ненависть турецкаго ига! Въ единеніи сила! Слава Господу въ Вышнихъ, Царю на земли и великому русскому народу стра-

стотерпцу, слава, слава великимъ богатырямъ
плоти и духа!

„Въ годы былыхъ испытаній лихихъ
Тяжкія бѣды грозовою тучей
Русь омрачали, — не падалъ отъ нихъ
Духомъ народъ, богатырь нашъ могучій;
Все на плечахъ онъ своихъ поднималъ,
Словно крѣпчала въ немъ мощь годъ-отъ-года,
Славу былую всегда воскрешалъ
Въ пору безвременья голосъ народа.
Гибла отчизна подъ гнетомъ борьбы
Въ дни самозванщины, въ смутное время,
Всѣхъ пригнетало возмездье судьбы,
Силь не хватало нести это бремя;
Занять врагами былъ царства оплотъ,
Рати сдавались, не видя исхода, —
Подняло Минаина слово народа,
Спасъ Русь-страдалицу голосъ народа“.
„Братья! Заложимъ и женъ, и дѣтей,
Крестъ свой послѣдній на общее дѣло!..“
Кличъ прогремѣлъ отъ поволжскихъ полей,
Море народной любви закипѣло;
Двинула Волга могучую рать,
Изгнанъ былъ врагъ, миновала невзгода,
Солнце надъ Русью зажглося опять,
Небо слышало голосъ народа“.

А. Эшенбахъ.

